

Григорий (Геня) Щирин

**Прогулки
С
КУРИЦЕЙ
и
без**

12+

Григорий Щирин
Прогулки с курицей и без

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Щирин Г. (.

Прогулки с курицей и без / Г. (. Щирин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Третья книга автора. Те, кто прочли первые две, уже наверняка знакомы с этим, как назвал его А.М. Городницкий, «американцем с бакинским акцентом». В своей новой книжке автор как бы подводит итоги последних пяти лет жизни в Калифорнии, делится воспоминаниями о семье, путешествиях по планете. Его короткие пьески-рассказы, наполнены тонким юмором и легкой иронией и очень точно отражают различные этапы его (и нашей с вами) непростой и многогранной жизни.

Содержание

От автора	5
Русский американец с бакинским акцентом	6
Буфет моей бабушки	7
Открытки моего дедушки	9
Песни с папой	11
Прогулки с курицей	14
«Парни из Баку»	15
“Запорожец” 00–53	18
Хуртур	20
Рассказ с картинками	21
Ах, какой был мужчина...	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

От автора

Дорогие читатели, до сих пор вспоминаю чувство восторга и трепета, когда взял в руки свою первую, чуть было не выдал клише – «пахнущую типографской краской» – книжку «Прогулки с курицей». В Америке книжки не пахнут краской, как и яблоки в магазине не пахнут яблоками, хотя некоторые довольно вкусные. Вот и книжка получилась, как сказал один мой знакомый, «вкусной». Потом появилась вторая – «Лунная радуга» – с новыми и (не мог удержаться) полюбившимися читателям старыми рассказами. Продолжаю писать и сегодня, публикуя на фейсбуке. Получил еще несколько комплиментов. Одна читательница даже назвала меня «писателем». Писать-то я пишу, но по сути мои истории – это устные рассказы. Александр Моисеевич Городницкий, который и подвигнул меня на этот новый для меня труд, посоветовал по началу записывать рассказ на магнитофон, а потом просто копировать на бумагу, стараясь ничего не менять. Так и пошло-поехало.

Возвращаясь к «пахнущей типографской краской». Напечатал я книжки с помощью всем известной компании «Амазон», которая их и продает, беря 60% от выручки. Я рад, что помог Джефу Безосу стать самым богатым человеком в мире, но огорчало, что не все мои потенциальные читатели в России могут позволить себе покупать книжки на «Амазоне». К тому же сегодня электронные книги практически вытеснили с рынка печатную продукцию. Поэтому я решил издать третью в формате e-book с чисто символической ценой через компанию «ЛитРес», где я и сам покупаю книги на русском языке. В эту книжку вошли рассказы разных лет, которым теперь, как я надеюсь, будет много легче найти дорогу к читателям через интернет. Поскольку первая книжка публике понравилась, я решил назвать и новую похожим именем – «Прогулки с курицей и без».

Прилагаю предисловие, из которого вы сможете узнать немного обо мне. Но вы сможете узнать еще больше, если прочтете эту книжку.

Русский американец с бакинским акцентом

Бывает, что человек всю жизнь занимается не своим делом и даже преуспевает в этом. Именно такая штука приключилась с уроженцем Баку Григорием (Геней) Щириным. Он окончил технический вуз, защитил диссертацию на степень кандидата технических наук, плодотворно трудился в институте АЗИНЕФТЕХИМ. После переезда в Америку много лет успешно работал в компьютерных фирмах и только теперь, на седьмом десятке, ощутил в себе потребность заниматься литературой. Но, как говорит женская поговорка: «Лучше поздно, чем никому».

Справедливости ради следует отметить, что у Гени Щирин еще с юности была непреодолимая тяга к театру и литературе. Не случайно он в студенческие годы вместе с Юлием Гусманом принимал участие в создании в Баку КВН и стал первым капитаном бакинской команды.

Уже переехав в США, выпускал литературно-публицистический журнал «На здоровье!». И все-таки его настоящее вхождение в литературу начинается с этой книги веселых и грустных рассказов, которую мы предлагаем вниманию читателей.

В коротких, но емких этих рассказах, часто похожих на короткие пьески, выстраивающих автобиографию «русского американца с бакинским акцентом», автор в полной мере проявил свой незаурядный писательский талант. Зоркий глаз художника подмечает характерные детали бакинской и американской жизни. Он ярко описывает забытый теперь невеселый быт советской эпохи, несколькими точными фразами создает портреты своих героев. Главное, однако, что позволяет признать автора талантливым прозаиком – удивительное чувство русского языка, красочный колорит уникальной смеси этого языка с азербайджанско-армянской и английской речью. Этот бакинский акцент образно передает аромат неповторимой интернациональной языковой среды старого Баку, теперь, к сожалению, утраченной. По этой традиционной прежде бакинской атмосфере испытывают острую ностальгию не только покинувшие город, но и живущие в нем сегодня.

Чего стоит, например, только один рассказ «Хуртур» с неожиданной расшифровкой этой необычной аббревиатуры! А как точно отразилась несчастная действительность советских времен в коротком и грустном рассказе «Прогулки с курицей». Весьма актуальным представляется рассказ «Гражданин страны Советов» на фоне нынешних циничных подтасовок при выборах в Российскую Думу.

Важной отличительной чертой рассказов Гени Щирин является их удивительная доброта, стоящая за ними грустная ироническая улыбка автора, который явно любит своих героев и родную землю, покинутую им.

И даже всякий раз, когда очередной рассказ кончается, и его герои покидают сцену, эта невидимая улыбка продолжает витать в воздухе, как у Чеширского кота. Эта грустная ирония, проходящая красной нитью через все повествование и соединяющая отдельные рассказы в единую повесть о собственной жизни, придает этой повести ту задушевную интонацию, которая является главной отличительной чертой книги. А какой неподдельной любовью к родному русскому языку дышит рассказ «Прощание со «славянкой»!

Переходя к характеристике книги в целом, хочется выразить уверенность в том, что ее читатель, где бы он ни жил, без сомнения откроет для себя новое имя в русской литературе и будет с нетерпением ждать следующих публикаций этого талантливого автора.

Александр Городницкий

Буфет моей бабушки

Мне часто задают вопрос: «А почему ты/вы – Геня? Это ведь женское имя. Это мою бабушку звали Геня. Где Григорий и где Геня?»

Когда-то и я задал этот вопрос своей маме. Она мне ответила, что Григорий – это по традиции в память об умершем дедушке, отце папы, а Геню она придумала сама, потому что очень хотела назвать меня Леной, но супротив традиций не пойдешь. Так я и остался Григорием на бумаге, а по жизни мама стала называть меня Геней, поменяв в Лене «Л» на «Г», то ли из уважения к бабушке, то ли... У бабушки, Евгении Абрамовны Богад (в девичестве), с дедушкой, Григорием Владимировичем Щириным (моим полным тезкой), была большая любовь и красивая жизнь – до самой смерти дедушки. Учитывая, что дедушка почти весь 1925 год провел в Америке в командировке, то умереть он инфаркта в 32-м, что с ним и случилось, возможно, оказалось лучше, чем от пыток и пули в 37-м. Но о его поездке в Америку будет отдельный разговор, а пока вернемся к теме рассказа.

В свое время дедушке выделили очень милую трехкомнатную квартиру на четвертом этаже с большой кухней и лоджией. После смерти дедушки бабушку «уплотнили», если кто помнит такой термин: в одну из комнат вселили какую-то нуждающуюся семью. Потом в этой семье появились дети, им отдали и вторую. И осталась у бабушки только одна комната. Туда, к бабушке, меня, малолетку, родители часто отправляли на выходные. Бабушка Женья меня очень любила. Она была единственной в нашей семье, кто называл меня «Гришенька». Мне это не нравилось, но я все понимал и виду не подавал.

В бабушкиной комнате стоял огромный, резного дуба буфет до потолка, а потолки в 30-х были 3,5 метра. Буфет этот они с мужем то ли купили, то ли им подарили на свадьбу в 1914 году. На левой и правой дверцах верхней части этого гиганта были два одинаковых, но зеркальных по отношению друг к другу натюрморта, выполненные резьбой по цельному куску дерева. Натюрморты изображали увесистый по виду набор диковинных фруктов, из которых я знал только яблоки и виноград. Мне, малышу, было ужасно интересно, вскарабкавшись на стул, трогать полированный горельеф под бабушкины объяснения. «А это, Гришенька, ананас» – «А что такое ананас?» – «Это, Гришенька (бабушке ужасно нравилось звучание этого имени, и она повторяла его при каждом удобном случае), такая сладкая шишка» – «Сладких шишек не бывает», – возражал я.

Вот вспомнил этот момент, и пришла в голову мысль: а смог бы я сегодня объяснить ребенку инопланетянину, что такое ананас. Растолковать мне, что такое киви и карамбола (так, как выяснилось, в России называли *star fruit*), бабушке так и не удалось. Я их увидел и попробовал только спустя 40 лет, уже здесь в Америке.

Внутри буфета было тоже немало интересного – такого, чего не было в нашем доме, где мы – мама, папа, Нана и я – жили с дедушкой Илюшей и бабушкой Соней. Вернее, наоборот – это мамины родители жили с нами, потому что «наша» трехкомнатная квартира была получена дедушкой Илюшей. Мамины родители, как мама порой язвительно выражалась, были «не из графьев», но буфет в их доме тоже имелся, хотя он был поменьше и попроще, чем у бабушки Жени. Бабушка Соня меня тоже очень любила, но Гришей не называла. В молодости в местечке под Черниговым она ананасы и карамболу, скорее всего, тоже не ела... Зато за ее буфетом стоял комод, а на комод – трехлитровые банки с вареньями, орехами, миндалем. Детьми мы с сестрой, чего греха таить, частенько поклевывали то из одной банки, то из другой.

Но это в будние дни, а на выходные, оставаясь с ночевкой у бабы Жени, я продолжал знакомиться с остатками «былой роскоши», потому что большая часть всего этого (в основном серебряного) была или украдена, или продана во время войны. И на очередной вопрос «А что

это?» бабушка терпеливо объясняла: «Это, Гришенька, такая вилочка для устриц». Узнав, что на свете есть устрицы, я продолжал рыться в ящиках. «А это такая ложечка для черной икры». Черную икру в Баку во времена моего детства носили по дворам, и стоила она не дороже масла. «А разве икру не на хлеб надо мазать?» – удивлялся я, основываясь на собственном опыте. «Нет, Гришенька, это очень неприлично. Только ложечкой, у меня где-то даже и розеточка есть».

Рядом с буфетом стоял низкий столик с двумя сильно потертыми креслами. Столик раскладывался вдвое, обнаруживая зеленое облезлое сукно. Он носил гордое имя «ломберный». От бабы Жени я узнал историю происхождения этого названия – от старинной испанской игры – и что такой столик был чуть ли не обязательным атрибутом любого дома. Но я, кроме как у бабушки, никогда ни у кого такого не видал. Однако всезнающий интернет подсказал, что действительно ломберные столики были в моде в 19-м веке, и что якобы Пушкин писал свою «Пиковую даму» за таким столиком. Похоже, они снова входят в моду. Недавно на каком-то российском сайте увидел рекламу: «*Столик ломберный. Позволяет подчеркнуть высокий статус и продемонстрировать безупречный вкус своего владельца.*»

Можно еще рассказывать и рассказывать об интересных вещах у бабы Жени. Это было какой-то машиной времени, уносящей в далекое прошлое и материализующей то, о чем читал много позже... Некоторые вещи нам все же удалось привести с собой в Америку. Вот и сейчас помешиваю кофе в чашке ложечкой с вензелем *Е. Щ.* Красиво!

А столик и буфет ушли из жизни вместе с бабушкой. После ее смерти полагалось освободить комнату и сдать ключ управдому. Столик с креслами мы с папой снесли с четвертого этажа и выбросили, такая же судьба постигла и буфет резного дуба. Еще пришлось заплатить двум алкашам за помощь – его разборку и вынос.

Сейчас это видится печальным не только потому, что память детства, и не столько потому, что, расставаясь со всем этим, ни у меня, ни у папы не было ни капли сожаления (родители как раз в это время по случаю купили гэдээровский сервант и были счастливы), а еще и потому, что, забредя как-то на Манхеттене в антикварный магазин, мы с сестрой увидели явно очень близкого родственника бабушкиного буфета. Буфет был тоже резного дуба, с очень похожим горельефом экзотических фруктов, ставших уже такими знакомыми и реальными, и с табличкой, на которой была абсолютно нереальная шестизначная цифра в долларах.

Открытки моего дедушки

Одним из увлечений моего детства было собирание почтовых марок. Во-первых, модно, во-вторых – это было, пожалуй, единственным ненаказуемым способом прикоснуться к чему-то напечатанному за границей. Интересно сравнить давно не слышанное русское «за границей, за рубежом» с американским *abroad* – широкое пространство.

Так вот, узнав о моих филателистических увлечениях, бабушка Женя предложила мне снять с какой-то старой открытки американскую марку. Этих открыток у бабушки оказалось много – так у меня в обменном фонде появились марки с портретом Джорджа Вашингтона стоимостью 2 цента. Тогда я и узнал, что эти открытки мой дедушка посылал моей бабушке и моему семилетнему папе в 1924 году во время своей 145-дневной командировки в Америку. Бабушка уверяла, что он посылал ей по открытке в день, но мне кажется, что она преувеличивала. Время шло, ушла бабушка, и с ней ушли навсегда буфет, ломберный столик, 40 томов энциклопедии Брокгауза и Ефрона и главное – память об этой поездке, но осталась пара серебряных ложек и 92 цветные открытки, которые удивительным образом вместе со мной вернулись обратно в Америку. О них я и хочу рассказать.

На скромной могиле моего дедушки Гриши в Баку стоит гордое: «инженер-механик». По-видимому, инженеров, получивших два высших образования, в начале прошлого века было немного. У меня есть фото 1926 года: шофер везет дедушку на работу на государственном автомобиле.

Как дедушка попал в Америку, я выяснил совсем недавно. Хотя Америка признала Советскую Россию только в 1933 году, но нефть есть нефть, и сотрудничество между американскими и советскими нефтяниками началось намного раньше. История российской нефти, а начиналась она с бакинской, очень познавательна. Могу порекомендовать книгу *Oil of Russia*, написанную выдающимся бакинцем Вагитом Алекперовым, миллиардером, одним из десяти богатейших людей России, президентом и совладельцем компании «Лукойл». Там есть немало интересных фактов и историй, и мне тоже придется сделать небольшой экскурс в историю, прежде чем мы вернемся к открыткам.

Нефть вместе с прочими природными ресурсами была национализирована декретом Ленина в 1918 году. Сразу же после установления советской власти в Азербайджане в 1920 году Ленин поставил во главе объединения «Азнефть» Александра Павловича Серебровского, профессионального революционера, члена РСДРП с 1903 года. Это был человек талантливый – и как инженер-механик (в 1908 году, находясь в эмиграции в Бельгии, он окончил техническое училище), и как руководитель-антрепренер. Нефтяные дела на бакинских промыслах и в целом на Кавказе стали налаживаться. Увеличилась добыча нефти и производство нефтепродуктов, в 1921 году восстановили керосинопровод Баку – Батуми. Компания *Royal Dutch Shell* начала покупать бакинский керосин и продавать его на Дальний Восток. Введенная в те годы новая экономическая политика (НЭП) стала приносить первые плоды. Была создана советско-американская компания АМТОРГ. Тут и расцвел в полную силу талант Серебровского. В июле 1924 года он высадился в Нью-Йорке, встретился с руководителями *Standard Oil* и даже получил приглашение к Джону Рокфеллеру на обед. Ему удалось расположить к себе нефтяного короля Америки. В своих воспоминаниях один из сотрудников Рокфеллера писал, что его магнат обратил внимание на нефтяное пятно на ботинке директора «Азнефти». Был подписан ряд соглашений, получены соответствующие гарантии и займы, и Серебровский вызвал в Америку небольшую группу специалистов из Баку. В их числе оказался и мой дед, с которым Серебровский дружил.

А теперь вернемся к открыткам. Все открытки начинались «Дорогие Женечка и Вовик!» и кончались «Целую крепко, Гриша». Буду эти фразы для краткости опускать. Вот первая:

Лондон, 12 сент. 1924 года. «Ждем виз. 24-го – пароход в Америку. Связались с Серебровским, надо будет ехать прямо в Тулзу, Оклахома». В Тулзе начиная с 1923 года регулярно проводилась *International Petroleum Exposition*; в 1924 там впервые была представлена «Азнефть». Потом Серебровский с командой как гости *Standard Oil* проехали почти по всем промыслам и нефтеперерабатывающим заводам Америки по маршруту: Оклахома – Луизиана – Калифорния (Лос-Анджелес и Лонг-Бич) – Вайоминг – Чикаго – Питтсбург – Нью-Йорк.

Дедушка действительно посылал открытки из каждого города, иногда и по две-три. Помню, как я смотрел на них мальчишкой, когда все эти названия городов мало что значили для меня, и самым вождленным было отмочить и отклеить двухцентровую американскую марку. Теперь-то я уже стал вчитываться в текст и сравнивать панорамы сегодняшние, особенно виденные мной вживую, с фотографиями 90-летней давности. Вот открытка: корабль, на котором дед плыл в Америку из Лондона и обратно – «Олимпик». Как выяснилось, их было три похожих, как близнецы, лайнера, построенных в начале 20 века: «Олимпик», «Британик» и «Титаник». Про «Титаник» знают все, «Британик» подорвался на немецкой мине в 1916 и тоже затонул, а «Олимпик» проплавал аж до старости, до 34-го. Или открытка из Чикаго: знаменитая чикагская *Water Tower* – одно из немногих зданий в городе, оставшихся после грандиозного пожара 1871 года. А рядом фото сегодняшнего дня. Удивительно, что мало изменился один из моих любимых районов Нью-Йорка – *Little Italy*. Вот *Mott Street* 90 лет назад и сегодня. Интересна и обратная сторона открытки: «Вчера был в опере, слушал концерт Шаляпина. Хотя он немного потерял голос, но величествен по-прежнему». Уникальный вид на знаменитый нью-йоркский *Woodworth Building*, неоготический небоскреб, построенный в 1913 году – самое высокое в то время здание в мире. Рядом с ним в 1973 году выросли знаменитые башни-близнецы, исчезнувшие после ужаса 11 сентября 2001 года. Кстати, в *Woodworth Building* в прошлом году было продано самое дорогое *condo* в истории Америки – 100 млн. долларов! Есть и несколько открыток из ставшей теперь такой родной Калифорнии. Из *Long Beach*: «Здесь так хорошо и красиво... чувствую себя на 30 лет моложе».

В середине февраля 1925 года вся команда вернулась в Баку. Я еще застал кое-какие вещи, привезенные дедушкой. Даже спустя 30 лет они вызывали удивление и восхищение. Но главным результатом этой поездки была полная модернизация нефтяной промышленности на Кавказе. Появились металлические вышки, первые электроприводные станки-качалки, заменившие примитивные черпалки, сократились затраты, увеличилась добыча нефти, которая с 1928 года стала основным продуктом советского экспорта, обойдя традиционную пшеницу. В Баку появились поселки, дома и коттеджи для нефтяников, построенные по типу американских; тогда же при «Азнефти» была создана футбольная команда, впоследствии знаменитая «Нефтчи». «Красный Рокфеллер», как называли Серебровского, внедрял не только технологии, но и по возможности американский стиль менеджмента. Но в Союзе инициатива была всегда наказуема. В трагическом 37-м Серебровского арестовали и в 38-м расстреляли как врага народа. Дедушке «повезло» – он умер в 32-м.

Некоторые послания в открытках дедушка писал для моего маленького папы печатными буквами. Вот одна из них: «Дорогой Вовик, учись хорошо. Если будешь хорошо учиться, то ты тоже, когда вырастешь, поедешь в Америку. Целую крепко. Папа». По иронии судьбы так и случилось. Удивительно и то, что Вагит Алекперов родился в Баку, в поселке Разина, первый кирпич строительства которого заложил после возвращения из Америки Серебровский.

Песни с папой

Еще до того, как мы начали вместе петь, более того, еще до того, как я начал толком говорить, я обожал, сидя у папы на животе, трогать его кадык. Как только я дотрагивался до кадыка, папа делал глотательное движение, кадык двигался – и я заливисто смеялся.

Первая песня, которую мы исполнили вместе в таком вот положении, это всем известная «У попа была собака». Мне она безумно нравилась. Не знаю, поют ли ее дети в России сегодня. Позже, когда мне было лет пять, мы пели уже серьезные вещи – песни военных лет. Папа, бывший военврач, демобилизовался в 47-м; военные тематика еще долго звучала в нашем репертуаре. Вот несколько строк из запомнившихся мне песен, которые, думаю, мало кто знает:

Кто сказал, что надо бросить
Песни на войне?
После боя сердце просит
Музыки вдвойне!

Нынче у нас передышка,
Завтра вернемся к боям.
Что ж твоей песни не слышно,
Друг наш, походный баян?

Эта песня Лебедева-Кумача есть на интернете, а вторую я так и не смог найти:

На старой Почтовой,
Где в дымке багровой
Повешенных трое висят.
Старушка седая,
Сестра молодая,
Растерзанный немцами брат...

Папина любовь к военным песням объяснялась не только близостью прошедшей войны. Позже я узнал от мамы, что папа очень неохотно расставался с армией: то ли его прельщала быстрая карьера, то ли ему шла военная форма... В 70-х меня призвали на недельные военные сборы и направили в наш райвоенкомат обрабатывать какую-то статистику. И я при первой же возможности заскочил в комнату с грифом «секретно» и открыл папин файл. Много интересного я там увидел. Но главное – его заявление о демобилизации, написанное знакомым маминим почерком.

Вокруг папы всегда вились женщины. Один раз они с мамой из-за этого даже разошлись, аж на два месяца. Помню, по воскресеньям папа водил меня то в зоопарк, то в мое любимое кафе-мороженое. Виновницу их временного расставания я не видел. По-видимому, она была моложе мамы – врезалась в память фраза, сказанная мамой при мне какой-то своей подруге: «Я уже была такая, как она; а будет ли она такой, как я?»

Папа с 12 лет рос без отца и, похоже, в плохой компании. Мама говорила, что учиться папа не очень любил, но любил и умел драться. В детстве я пару раз видел его в драке, но меня он драться, к сожалению, не научил. Научил только садиться на ходу и прыгать с трамвая. Мне это несколько раз пригодилось.

Из папиного «плохого детства» в наш песенный репертуар попала знаменитая «Мурка»:

Ты зашухерила все нашу малину,
А теперь маслину получай!

Маслины, как папа объяснил мне, на фене – пули. Действительно похожи. Он даже подарил мне самиздатовский «Словарь воровского жаргона». На титульном листе стояло: «Для работников МВД и прокуратуры, только для служебного пользования». Я этим словарем очень гордился – он был предметом зависти всех моих школьных товарищей.

Папа часто брал меня в поездки к морю летом. Машин тогда почти ни у кого не было, и обычно компания человек в 20–25 договаривалась с каким-нибудь водителем автобуса, который отвозил и привозил их на загородный пляж. Мама почему-то никогда не ездила с нами, и мы с папой, сидя подле какой-нибудь хорошенькой врачихи, хором распевали: «Субботним вечером, вечером, вечером, когда пилотам, скажем прямо, делать нечего...»

В конце концов я повзрослел настолько, что мне разрешалось присутствовать на родительских вечеринках – это уже было в классе 8–9. Но продолжалось недолго – вскоре я стал убегать из дома на свои гулянки, но все же несколько песен «от папы» зацепил. Пить он меня не научил, поскольку никто в доме, включая папу, никогда толком не пил. Папа пьянел после двух бокалов вина и начинал петь. Но у нас всегда было всегда весело и без выпивки.

Вы, наверняка, знаете такой номер: «однорукий флейтист». Папа любил исполнять его слегка подшофе. Я ему часто помогал готовиться к этому номеру, а потому запомнил технику. Одна рука прячется параллельно телу в брюки, расстегивается ширинка, надевается пиджак, пустой рукав засовывается в карман. Обязательно шляпа на голове, темные очки и трость в руке – типичный однорукий слепой. Наряженный таким образом папа выходил и запевал, нарочито гнусавя:

Великий русский писатель Лев Николаич Толстой.
Не ел он ни рыбы, ни мяса, ходил по аллеям босой.
Жена его, Софья Андревна, напротив любила поесть,
Но нет, не ходила босая, спасая фамильную честь.

Вот так разорялось дворянство, вот так распадалась семья,
В заброшенной старой лачужке скончалась мамаша моя.

Тут папа вытаскивал из ширинки указательный палец спрятанной руки, перехватывал им трость, другой рукой снимал с головы шляпу и обходил хохочущих дам со словами: «Подайте незаконнорожденному сыну Льва Николаича Толстого».

Позже я много раз тоже исполнял этот трюк, даже в Америке на одном из *fundraising event*, и собрал аж целых 300 долларов. Но меня всегда несколько смущало: почему сын Толстого – незаконнорожденный. Как-то зашел у нас в компании разговор о песнях. Песнях, которые все знают, а авторов не знает никто. Так вот, Городницкий, который знает почти все на свете, напел мне недостающие куплеты:

Однажды любимая мама на графский зашла сеновал.
Случилась ужасная драма – граф маму изнасиловал.
Граф умер в посконной рубахе, не давши детям ни х.я.

И вот тут уже становилось понятно, почему:

В заброшенной старой лачужке скончалась мамаша моя.

Была еще одна таинственная песня, которую я никогда не слышал в папином исполнении, но почему-то, когда звучала мелодия знаменитого венского вальса Штрауса, мама с папой, а если были гости, то и гости смущенно улыбались. Каким-то образом это, как я вычислил, было связано с турпоездкой моих родителей в Румынию и Болгарию. Тайну эту раскрыл мне много лет спустя один из папиных друзей. Я уже был в таком возрасте, когда друзья моих родителей могли при мне рассказывать анекдоты с ненормативной лексикой. Анекдот этот я знал, но оказалось, что в каком-то румынском ресторане, где оркестр вдруг заиграл этот вальс, папа подошел к микрофону и спел эту историю про попа и татарина в поезде.

Поп: «Поп татарина за.б, поп татарина за.б»

И тут вступал рассердившийся татарин: «А татарин .б попа, а татарин .б попа»

Последний раз мы с папой пели вдвоем на его пятидесятилетия. Что пели – не помню, но было, как всегда, весело. Я подарил папе набор инструментов для хозяйства с надписью на каждом: «Напильник – это не жена, он пилит лучше, чем она» или «Паяльник. Паяй аккуратно. Не так, как нанайцы – чем паяют, тем и по яйцам» и пр. Дурость, конечно. А давний друг родителей Борис Платонов читал свои стихи: «В раю известна птица Сириин, в Минздраве сокол – Вова Щирин. Жми своих врачей в углу, поддай им жар, как Кероглу!»

Но постепенно наше совместное пение стало сходить на нет. Я женился и стал жить отдельно, потом и сестра вышла замуж. Они с мужем жили в квартире наших родителей, где им выделили отдельную комнату. У них родился мальчик, названный в честь деда Илюшей. А вскоре Нана с Ромой собрались в Америку. Это было событием огромной важности для всей семьи. До сих не могу простить себе малодушия и глупости, не позволившими мне поехать вместе с ними.

Мама и папа остались одни в большой, по тогдашним меркам, трехкомнатной квартире. У нас Женей уже росла дочка. Я навещал их, как мне казалось, достаточно часто. Хотя, можем ли мы знать, что есть «достаточно часто» для родителей.

Решение уехать в Америку пришло ко мне неожиданно, вместе с армяно-азербайджанским конфликтом. Отрывать родителей от родного дома приходилось с трудом, особенно папу. Это как пересаживать взрослое дерево. Разумеется, поскольку они прощались не только с домом, но и с любимой работой, и с кругом друзей.

В отличии от мамы, которая сразу стала втягиваться в американскую действительность – в свои 70 активно учила и довольно прилично выучила английский, завела новый круг знакомств – папа Америку не принял. Если вернуться к сравнению с пересадкой дерева – корни были повреждены. Они с мамой жили у сестры, в ее большом доме в Нью-Джерси. Днем папа возился в саду, читал русские газеты, а когда я приходил, мы играли в его любимые нарды. Незаметно подкралась коварная болезнь, а возможно, папа и приехал уже больной. Мама, онколог, никак не заслужила иметь последним своим пациентом папу. Ее диагнозы и рекомендации никогда не расходились с точнейшей американской диагностикой. Но несмотря на все это он не прожил в Америке и трех лет...

Не знаю, почему я написал этот рассказ. Наверное, потому (хотя я уже почти догнал папу по возрасту), что вдруг захотелось стать вновь маленьким мальчиком, усесться у папы на животе, трогать его кадык и беззаботно хохотать.

Прогулки с курицей

Что вы подумаете о человеке, который, извинившись, прервет научную дискуссию словами: «Простите, но мне нужно выйти минут на двадцать выгулять курицу»?

Звучит странно, не правда ли. Но вот реальная история. Моя мама, известный в Баку врач-онколог, довольно часто принимала участие в научных конференциях. Одной из таких была очередная Всесоюзная конференция онкологов в Минске, годах в 70-х, причем время ее проведения совпало с периодом полного отсутствия курятины в Баку. Мясо и рыба были, а кур – нет. Случалось, правда, и наоборот. В Минске в то время не было ни рыбы, ни мяса, но было много онкологов и мороженных кур. Вечером перед отлетом в Баку мама купила двух кур, положила их в кошелку и отправилась вместе со всей бакинской делегацией в аэропорт. Да, забыл сказать, что дело было зимой, и в Минске стояли суровые морозы. И мороженные куры чувствовали себя прекрасно. Но, как говорится, повезло с курями, не повезло с отлетом. Рейс отложили до утра. Бакинская делегация расположилась в переполненном зале ожидания и продолжала научные дискуссии. Было тепло, все чувствовали себя уютно. Все, кроме кур. Куры начали таять, и вот тут маме приходилось, извинившись, вставать и выходить «выгуливать» кур на мороз.

За ночь пришлось выходить раза четыре, но ученые быстро скооперировались, ибо кур купили все. Поэтому выходил по очереди кто-то один, но с целой замороженной стаей, которая в том же состоянии все же умудрилась долететь до Баку.

«Парни из Баку»

Работая в институте в Баку, я параллельно преподавал вычислительную математику в подшефной школе. Была у меня идея доказать, что программированию можно научиться, не обучаясь в институте. К тому же – приработок. Но не в этом суть: меня заинтересовала некая волнообразная закономерность появления классов с талантливыми мальчиками и девочками. Вероятно, в середине 60-х в Баку возник очередной пик талантов, в результате чего, я думаю, родился бакинский КВН. Начинали мы в нашем институте нефти и химии с непритязательных межфакультетских соревнований. В отдельной истории я когда-нибудь расскажу о той огромной роли, которую сыграл в создании команды города Юлик Гусман, а сейчас – просто несколько КВНовских воспоминаний о событиях полувековой давности.

Финал КВНа города. В финале команда института нефти и химии, капитан – ваш покорный слуга, и команда СКБ «Нефтехимприбор», капитан – Миша Носоновский, живущий в том же доме и на той же лестничной площадке, что и я. Уже смешно, правда? Встреча спонсируется «Аэрофлотом», а потому много конкурсов и шуток на эту тему. Конкурс «Придумать рекламу «Аэрофлота». Задание бессмысленное: что, собственно, рекламировать? – других самолетов нет. Но от фразы «Лучше нету в стране самолетов, чем самолеты «Аэрофлота» зал взрывается аплодисментами. Все на полутонах, все на тонких намеках. Сейчас так не пошутишь. Или лозунг: «Обедать и ужинать хочешь бесплатно – летай самолетом туда и обратно!» Опять же сегодня вряд ли кто поймет.

... Сформирована ставшая легендарной команда «Парни из Баку», и мы летим в Москву приветствовать финалистов сезона 66/67 года. Нам пошили синие блейзеры с золотыми пуговицами, на нагрудном кармане вышит герб Баку с тремя факелами, на которых три буквы К, В, Н. Я до сих пор храню эту нашивку и горжусь, что произнес первые слова «Парней из Баку» на московской сцене. Слова, написанные нашим бессменным завлитом и автором Викой Колмановским:

Зачем мы приехали? Ждете ответа?
Так это же ясно! Двух мнений здесь нет.
Поскольку гора не идет к Магомету,
То к ней направляется сам Магомет!

Печатаю эти строчки, а где-то мыслишка: может, про Магомета убрать? А то попадут мои истории не в те руки...

...И вот мы – участники сезона КВН 67/68. Разминка. Тема «Шутки в русской поэзии». Тема была объявлена заранее. По сценарию – одна команда задает фрагмент поэтической строфы, другая команда должна угадать и прочесть всю строфу или, на худой конец, отшутиться. Затем наоборот, и так три раза. Готовились серьезно: сочиняли так называемые «резины» – шутки, годящиеся на любой случай. В дополнение к своим «знатокам» взяли Володю Портнова – блестящего поэта, известного переводчика с французского, знатока русской поэзии.

Незабываемый эпизод. Мы, человек десять, прикрывая значительно старше выглядящего Володю, стоим кругом на сцене. Последний вопрос. Мы примерно на равных с соперником. От их команды выходит представитель и эффектно произносит:

И ха-ха-ха и хи-хи-хи

Тикают секунды. Ни у кого ответа нет. Володя, красный от напряжения, говорит: «Я знаю, знаю, надо только вспомнить...» Юлик: «Так, время кончается, давайте резину». Володя: «Подожди, сейчас, сейчас, я же знаю...» Юлик выходит из нашего кольца, направляясь к микрофону, но его опережает Володя:

Люблю я парадоксы ваши,
И ха-ха-ха, и хи-хи-хи,
Смирновой штучку, фарсу Саши
И Ишки Мятлева стихи.

Гром аплодисментов, конкурс выигран. Умница Портнов! Да, знания и мастерство не пропьешь. А сейчас все так просто. «Прогулите» это «ха-ха-ха и хи-хи-хи», и эпиграмма Лермонтова выскочит через секунду.

Команда крепла и развивалась с каждой неделей. Прежде всего благодаря усилиям Юлика. Во встрече с командой Московского инженерно-строительного института (МИСИ) мне, Мише Гусману, Фаризу Векилову и Оле Камышанской был поручен конкурс «Утром в газете, вечером в куплете». То была аллюзия на дореволюционные варьете, где вечером остроумные актеры пели куплеты-частушки на темы утренних новостей. Это был так называемый «выездной» конкурс. (Шутка: даже конкурсы в то время были «выездные» и «невыездные». Сегодня, увы, не все поймут). Порядок конкурса был объявлен обеим командам за три дня: в начале конкурса нам выдадут свежий номер газеты «Известия», мы уйдем за кулисы, якобы готовясь, и вернемся через 40 минут с исполнением куплетов.

Хочу обратить внимание на организационную мощь нашей команды. Каждый номер газеты делается, конечно, не за один день. Спецотдел «Парней» (была в команде и такая группа во главе со Стасиком Дмитриевым) установил нужные контакты в редакции, и мы ежедневно получали предварительные материалы будущего номера. Авторская группа специалистов по варьете – представители команды КВН Одессы (Сема Лившин и другие) – работали над текстами, Марк Розовский поставил исполнение и предложил идею бумажных манжет, на которых был написан текст. Мне же оставалось действовать в качестве проект-менеджера. Я и сегодня помню некоторые новости и тексты куплетов.

«Известия»: «МХАТ с классическим репертуаром отправляется на гастроли в Японию».

Куплет:

На острове Хакайдо
Довольный зритель найден.
Он свеженьких спектаклей увидеть будет рад.
Посмотрит «Трех сестер» он,
«На дне» и «Ревизора».
И с этой новой хохмой к японцам едет МХАТ.

«Известия»: «Уже в юности Леонид Жаботинский отличался невероятной физической силой. Как-то на ферме, где работал Леонид, взбесился бык, который набросился на одну из дюрок. Леонид сумел схватить разъяренного быка за рога, повалить на землю и усмирить его».

Куплет:

На ферме в полдень яркий
Бык приставал к доярке,
Но Леня Жаботинский подверг его толчку,
И с первой же попытки отбросил бык копытки.
Что можно чемпиону – того нельзя быку.

Маленький шедевр, на мой взгляд. И толчок, и попытка – все на месте. Конкурс мы выиграли.

Ведущим того же конкурса в команде МИСИ был студент Леонид Якубович, ныне популярный ведущий телепрограммы «Поле чудес». Любопытно – работает ли на него сегодня на российском телевидении такой же штат, какой был у нас во времена КВН?

Об историях «Парней из Баку» можно написать толстую книгу. Или не касаться этой темы вообще. Но раз уж я коснулся, позвольте рассказать еще одну историю. Она случилась до нашей встречи с командой города Куйбышева в сезоне 67/68. То ли нас пригласили, то ли сами напросились, мы – человек 10 из команды – полетели в Куйбышев с приветствием общегородскому финалу КВН. По результатам этого финала должны были сформировать сборную города, с которой нам и предстояло встретиться в первой игре в Москве. Прилетели мы в тех же синих блейзерах, молодые, красивые, уверенные в себе. Из развлечений, кроме выпивки и девушек, нам никто ничего не предлагал. Финал проходил в оперном театре, в присутствии большого областного начальства. Не только мы, но и публика в театре, включая начальство, похоже, тоже была в приподнятом настроении. У нас было скромное, но милое приветствие, написанное явно с иронией совершенно непьющим Викой Колмановским.

И стоит наша команда на сцене, и декламирует что-то, кончающееся следующими словами:

... здесь так хорошо вокруг.
Баку просил привет передать тебе, соперник и друг.
Острее защищайся, смелей атакуй,
А ну, раззудись, плечо.
Ты хочешь победы, так вот тебе

(тут выходил Гусман с огромным бутафорским молотом)

– молот.

(Гусман ставил молот на авансцене ручкой вверх)
Мы (хором после небольшой паузы):

Куй, пока горячо!

Ужас произошедшего потом заключался в том, что у каждого, не исключая меня, в нетрезвой голове мелькнуло: в общем хоре не услышат, почему бы не пошутить. И в тишине оперного театра вместо слова «молот» явно прозвучало именно то слово, которое скорее всего имел в виду Вика, сочиняя это приветствие. Мы замерли в ожидании катастрофы, но из оцепенения нас вывели оглушительные аплодисменты, перешедшие в овацию.

Я слышал, что до сих пор к пьяным в России относятся снисходительно.

“Запорожец” 00–53

Какой мальчик не мечтает сесть за руль! Помню себя лет пяти гордым оттого, что знакомый шофер разрешил посидеть на его водительском месте. Ощущение счастья, когда вдыхаешь восхитительный запах масла и бензина, когда касаешься рычага переключения скоростей. Ух! Здорово! А нажать на клаксон...

Мечты эти я лелеял до 30 лет. Машины стоили дорого. Я уже работал, защитил кандидатскую, но позволить себе даже «Запорожец» мы с женой не могли. Да и купить его – так просто не купишь. Оставалось просить маму, которая как ветеран войны могла записаться в специальную очередь. Мама всегда очень беспокоилась за меня, а как за водителя – особенно. Но главное, мама согласилась записаться, а еще главней – спонсировать половину стоимости «Запорожца». Похоже, мечта начала превращаться в реальность.

Наконец прислали открытку, что можно прийти, внести деньги и получить машину. Однако не в магазин надо было идти, а ехать куда-то за город. И называлось это «база». Отправились мы с мамой (мама – формальный покупатель и владелец) и с моим сотрудником Геней Вайсманом. Поскольку у Гены был «Запорожец», да и вообще он слыл человеком опытным, в нашей миссии он исполнял роль технического советника. Если кто помнит, первая модель в народе именовалась «горбатый», а вторая была уже похожа на то, что называется «автомобиль». Нам предстояло получить вторую, так сказать, модернизированную версию, которой дали имя «ушастый».

Приехали на базу, там стояло штук 10 этих «аппаратов». Все красные. Других не было. Мама меня подбодрила – какой замечательный цвет. Мне он тоже понравился. Тогда было так – что достал, то и нравится. Гена поговорил с работником базы, сунул ему двадцатипятирублевку, чтобы помог выбрать машину получше.

«Да, именно эту надо брать», – изрек Гена и после оформления всех бумаг сел за руль, включил зажигание и, сделав контрольный круг по базе, повез нас домой. Не проехав и километра, Гена остановился и сказал, что надо заправиться. Он предусмотрительно захватил канистру с бензином. Мы вышли из машины и – о ужас! Гена не может найти крышку бензобака. На его модели эта крышка была вмонтирована в заднее правое крыло, а тут все гладко и ничего нет. Первая мысль – подсунули сволочи бракованную. Делать нечего – развернулись и обратно на базу, благо недалеко отъехали. И нам, как полным идиотам, объяснили, что это модифицированная модель, что надо поднять задний капот (мотор у «Запорожцев» был сзади) – крышка бензобака находится там. В конце концов мы успокоились и поехали домой, но подергались порядком.

Так я стал гордым владельцем, вернее – водителем, красного красавца с «блатным» номером 00–53. Понятия не имею, почему он мне достался. В Баку машины с двумя нулями принадлежали, как правило, большому начальству.

Езда на «Запорожце», особенно вначале, была ничем иным, как набором приключений. Первое произошло в первую же неделю. Я по глупости полагал, что такое сокровище просто оставлять на улице нельзя. Поэтому я купил месячный абонемент на платную автостоянку на улице Корганова. От стоянки до дома минут 15 пешком, примерно за это же время я мог дойти до работы. Почему я вообще ездил на работу на машине – загадка до сих пор. После работы я ставил моего Запика на стоянку и шел домой. Мама и Женя всегда нервничали – ведь опыта вождения у меня не было, и когда я появлялся, все были несказанно рады – по крайней мере живой.

Итак, въезжаю я с узкой улицы Корганова в узкие ворота автостоянки и чувствую, что поцарапал левое «ухо» Запика. У моего «Запорожца» были по бокам уши – воздухозаборники, что делало его похожим на Чебурашку. Сейчас я бы не обратил на эту царапину внимания, но тогда... Катастрофа! Так ездить нельзя! И я решил: ухо отвинчу, отнесу домой, выправлю, покрасю и поставлю на место. И как был в белой рубашке с галстуком, достал набор инструментов, который прилагался к машине, и начал демонтаж. Видно, инструменты были не те, и как добраться до винтов я не знал... Часа через два, уже темнело, воздухозаборник я все-таки отсоединил, завернул в какую-то тряпку и в перемазанной маслом рубашке добрался до дома. На звонок открыла Женя, бледная от волнения: «Что случилось? Машина?» Не в силах говорить, я кивнул и протянул ей сверток. Женя развернула тряпку и произнесла трагическим голосом свою незабываемую фразу: «И это все, что от нее осталось?»

«Ухо» я выправил, покрасил и поставил на место.

Известно, что уровень внимания к авто резко падает после первой царапины. Через месяц я понял, что нечего тратить на платную стоянку и начал ставить машину возле дома. На противоположной стороне улицы – так, чтобы можно было поглядывать на нее.

В свой день рождения я поставил Запика под балконом, потому что все места напротив были заняты. Дни рождения отмечались шумно, весело, с большим количеством выпивки. Балкон был популярным местом: потрепаться, покурить, а также втихую облегчиться – снять алкогольную перегрузку, как делают на корабле. Был конец мая, в том году он выдался особенно жарким. Утром меня разбудил отвратительный запах, проникающий с улицы, и жужжание сонма мух. Долго я все отмывал...

Года через полтора сел аккумулятор. Купить новый без сумасшедшей переплаты было невозможно. Как веселый и находчивый я собрал простейший диодный выпрямитель, и пока у мамы не появилась очередной больной, имеющий доступ к автомобильным запчастям, происходило так. Я приезжал с работы, снимал аккумулятор, клал его в большую сумку, пер эту тяжесть на третий этаж и на ночь подсоединял к моему зарядному устройству. Утром я отсоединял его, клал в сумку, тащил вниз, устанавливал в Запик и ехал на работу. На следующий день все повторялось...

Историй с «Запорожцем» было много. Некоторые из них связаны с техническим устройством автомобиля – надо было знать электрическую схему, довольно примитивную, кстати. Я ее знал наизусть.

Интересно, смог бы я разобраться в электрической схеме моей *Infiniti*? Думаю, томов 5 наберется. Да ни в жизнь!

Насколько же в то время было проще жить, не правда ли?

Хуртур

В Баку моего детства большинство многонационального населения говорило или старалось говорить по-русски. Это как бы считалось хорошим тоном, но у тех, кто с русским не был «на дружеской ноге», порой рождались незабываемые перлы. Например, такие: «Извините, но я в этом вопросе некопенгаген», или «И запомните, цыплят по восемь считают!», или «А к тем, кто опаздывает систематически, я буду принимать драгунские меры!». А это прозвучало на похоронах: «Пусть земля ему будет прахом».

Новорожденным часто давали имена героев русской и западной литературы: у меня были знакомые Офелии, Гамлеты, Марго, Джоны. Поэта-песенника Онегина Гаджи-Касимова знали многие, но вряд ли кто-нибудь встречал человека с именем Перкосрак, что означало ПЕРвая КОСмическая РАКета. Красиво звучит, напоминает армянский говор.

Отдельной экспозицией в этом музее располагаются ценники. Обычные ценники на товары как широкого, так и «узкого» потребления. Интересное словосочетание. Хорошо бы поставить «смайлик». Но не будем отвлекаться. Итак, бакинские ценники.

В детстве я слышал про набор из трех кастрюль: «каструл, кастрюлка, кастрюлчик». Многие уверяли, что видели такой ценник лично. Я не видел – врать не хочу. Есть у меня небольшая коллекция – выпрошенные, купленные и привезенные в Америку бакинские ценники.

Все началось случайно. После занятий я возвращался из института домой. На углу проспекта Ленина и улицы Дмитрова стоял ларек, а на прилавке были разложены симпатичные тоненькие вафельные трубочки с какой-то непонятной розовой начинкой. Этого ларька я никогда на том месте не видел – ни до, ни после. Привлек мое внимание ценник. На нем от руки надпись: «ХУРТУР – 10 коп». Название заинтриговало меня, и я спросил у продавца, что такое «хуртур». Продавец, средних лет азербайджанец, презрительно посмотрел на меня, молодого студента, и сказал: «Ты, вижу, совсем неграмотный, неужели не видишь – ХУРстящий ТУРбочка, да-а!». Я взял две трубочки, дал рубль, сказав «сдачи не надо», и слезно попросил ценник на память. Продавец протянул мне бумажку и тут же написал черным фломастером новый «ХУРТУР». Я много раз рассказывал эту историю – команда КВН «Парни из Баку» третьего поколения включила «ХУРТУР» в одно из своих выступлений. «ХУРТУР» стал вторым «каструл, кастрюлка, кастрюлчик», которого никто не видел – кроме меня.

Вот некоторые любимые экспонаты: «АГРЕС» – огурец для тех, кто не понял, «ХЕР-ЗАНТЕМ» (нет слов!) и прекрасный неологизм «Кофе ВЗОРНЫЙ». Удивительное сочетание – черный в зернах.

В Баку не только ценники были смешные, но и товаров было до смешного мало. Смех мой быстро кончился в Америке, где ценники напечатаны исключительно грамотно, где товаров немерено... Беспокоят порой цены и часто возникающие проблемы, когда мы, новопривывшие, пытаемся со своим неправильным произношением о чем-то спросить.

Недавно меня попросили купить марлю для творога (*cheese cloth*), и продавщица никак не могла понять, что такое «чиз клоз», которое я упорно ищу. Помню, как одна русская девушка искала недорогой «бич таул» (*beach towel*) и объясняла продавщице, что это ей нужно для «бича». А сколько раз я видел, как у работников американского прилавка при вопросе, есть ли у них «кинг сайз шит» (*king size sheet*), просто отваливалась челюсть.

Ну, а какое удовольствие пройтись по брайтонским русским магазинам. Тут и «Колбаса НЕМЕТСКАЯ», и «Селедка ШИКАРНАЯ», и «Куриные БЕБИЧКИ», что есть просто-напросто маленькие куриные сосиски.

Теперь собираю новую коллекцию. Вот такой хуртур!

Рассказ с картинками

Того, чего не можешь, всегда хочется вдвойне. Я очень люблю жанр карикатуры, юмористического рисунка, «*cartoon*», как его называют в Америке.

Нужно уметь мыслить образами, как словами, чтобы в маленьком рисунке выразить то, на что порой понадобится целый рассказ. Мне всегда хотелось придумать карикатуру, но...

Впрочем однажды, много лет назад, мне пришла в голову идея настолько антисоветская, что я даже не пытался ни с кем ею поделиться. Если кто помнит, в далекие 60-е коммунисты всех стран, под руководством Советского Союза боролись «за мир». Как-то я услышал от бабушки: «Думаю, что новой войны не будет, но в борьбе за мир не останется камня на камне». В официальных партийных газетах часто печатались политические рисунки, как, например, французские коммунисты (их всегда рисовали в беретках) борются за мир. Это выглядело примерно так (я прошу прощение за качество – мои друзья-художники все обещают да обещают, а время идет, так что пришлось накалякать самому):

У нас, если что и писали на стенах, так это скандально известное слово из трех букв. До сих пор не понимаю, почему так часто и с какой целью. Наверное, как протест против строительства коммунизма. И вот, взглянув на такой рисунок, мне привиделось:

В те годы можно было поиметь большие неприятности не только за рисование, но и даже за сон с такой картинкой. Так и пролежала эта картинка в моей памяти лет 30, пока подобная ситуация на улице не стала вполне реальной, а рисунок такой можно было и напечатать.

Список таких метаморфоз можно продолжать, но приведу только один еще пример. В нашем институте в Баку я не раз видел плакат со словами Ленина «Профсоюзы – школа коммунизма!». Мне это казалось совершенной бессмыслицей, но в ряду многих других лозунгов этот не раздражал сильнее других. И только прожив четверть века в Америке, начинаешь понимать всю гениальность ленинского предвидения. Самое печальное, тут это действительно взяли на вооружение. И более того, готовы окончить школу с отличием. Порой так и хочется взять ведро с краской и в знак протеста на белой стене Белого дома написать то заветное слово. Похоже, это то небольшое, что так и не потеряло своего значения.

Ах, какой был мужчина...

СКБ «Нефтехимприбор» занималось в основном разработкой расходомеров для жидких нефтехимических продуктов. Однажды для какого-то очередного устройства понадобился эластичный упругий контейнер, чтобы принять в себя небольшую порцию жидкости. Пробовали разное, но подошел конский презерватив, который кто-то где-то достал. Есть и такое, как оказалось. Устройство, как идея, работало. Однако надо было сделать опытную партию этих устройств. Штук 10 или 20, не помню. Все детали готовы, кроме конских презервативов. Сроки поджимали, и руководство СКБ послало какого-то молодого инженера на всем известный подмосковный Баковский завод, который эти изделия изготавливал. Работали там в основном женщины, процесс изготовления был ручной: деревянные блоки с насадками обмакивали в латекс и так далее. Вот, что рассказывал о своем визите на завод этот худенький, небольшого роста инженер. Он был встречен с огромным вниманием и особым интересом, ибо не только по заводу, но и по всему городку быстро разнесся слух о том, что приехал молодой парень из Баку за партией презервативов специального размера – на заказ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.